

Секция

«Социальные мобильности: трансформация социальных систем под влиянием ключевых глобализационных трендов»

Модератор Михайлова Елена: Сегодня мы с вами будем говорить о достаточно сложных процессах - о трансформации социальных систем, о том, какие кардинальные изменения происходят в современном обществе в связи с информатизацией общества, с кластеризацией на рынках труда. Будем говорить о влиянии миграции на социальную структуру, о том, как государства на законодательном уровне реагируют на миграционные процессы, на большие объемы миграционных потоков, как вообще присутствие больших объемов инокультурных граждан влияет на социальное самочувствие и социальные настроения.

В целом глобализация захватывает все страны, даже очень четко придерживающиеся традиционного образа жизни. На последнем социологическом конгрессе, который проходил в Бразилии, практически на каждом мероприятии, на каждой секции обсуждались две темы, независимо от того, чему эти мероприятия были посвящены. Во-первых, это была тема гендера, и тема гендера поднималась в новом контексте - женщины во всем мире начинают отстаивать свое право на то, чтобы оставаться женственной, сохранить за собой социальную роль матери, а не вынужденной достигать заданных мужчинами целей, норм деловых коммуникаций и т.д., то есть совсем другая постановка вопроса.

И второй аспект, который обсуждали абсолютно на всех секциях - это миграция, миграционные процессы, как они влияют на жизнь общества, каким образом можно это регулировать, вообще можно ли урегулировать, и каким образом государство вынуждено адаптировать свои социальные системы под эти новые вызовы. Речь шла о методиках, о законе, об изменениях социальных систем, семейных ролей под влиянием миграционных процессов.

Соответственно, сегодня в рамках нашей дискуссии значительная часть докладов также будет касаться трансформаций, связанных с глобализацией и миграционными процессами - каким образом это влияет на нашу жизнь, каким образом вообще взаимодействие с другими странами, управление миграционными потоками влияет на наше законодательство, влияет на нашу систему социального обеспечения и т.д.

И поэтому в качестве спикеров мы пригласили людей, которые проводят межстрановые исследования, которые анализируют эти потоки и сравнивают страны друг с другом, людей, которые могут наблюдать за тенденциями, трендами на мировом уровне. Первое слово я предоставлю Герасимовой Анастасии Михайловне, советнику PR Евразийского экономического союза, и она расскажет о том, как происходит регионализация с созданием свободного рынка труда и переходом к централизации в пространстве ЕАЭС.

Герасимова Анастасия: Добрый день, уважаемые коллеги! Я представляю Евразийский экономический союз и, собственно, Евразийскую экономическую комиссию - это многонациональный, постоянно действующий орган, созданный в 2012-м году. В этом

году исполняется 5 лет с момента подписания договора о Евразийском экономическом союзе, туда входят, напомним вам, 5 стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия. ЕАЭС ведет переговоры о сотрудничестве, развитии отношений с Сингапуром, Египтом, Сербией, Индией, Китаем и рядом других стран.

Елена попросила обозначить самые актуальные тренды сегодняшнего, нашего времени. ЕАЭС – это как раз про тренды, конечно же, это про регионализацию, которая является ключевым трендом на нынешний период. Функционирование ЕАЭС направлено на достижение цели, установленной договором о ЕАЭС. Страны Евразийского экономического союза в 12-м году подписали договор - это обширный документ, в котором изложены основные цели, к чему они собираются стремиться. И там обозначено формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе. Договор о ЕАЭС, таким образом, создал новые трудовые возможности для жителей стран Евразийского экономического союза. Надо понимать, что это страны бывшего Советского Союза, и миграция эта существовала всегда в СНГ. Но ситуация несколько поменялась. Идея создания свободного рынка труда – это про создание условий для жителей стран Евразийского союза для более свободного перемещения, получения работы, обеспечения их различными социальными правами.

Создана нормативно-правовая база для легального трудоустройства граждан. Трудовой стаж трудящихся, приобретенный на территории государства трудоустройства, засчитывается в общий трудовой и страховой стаж в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Таким образом мы боремся с «серым» рынком, создаем прозрачные условия для того, чтобы люди могли здесь нормально работать, платились налоги. Договор о Союзе фактически создал единый рынок труда для пяти стран евразийской пятерки. Есть, конечно, сложности: отдельные свободы, предусмотренные договором о Союзе, по различным причинам не выполняются, недостаточно информации о рабочих местах, нет системы информирования о совершенных трудящимися административных правонарушениях, и это создает определенные сложности для приема на работу людей. Все это обусловлено недостаточным развитием инфраструктуры содействия занятости и т.д.

Другой мировой глобальный тренд – это цифровизация, и это меняет устройство многих процессов и, конечно, цифровая экономика меняет экосистему занятости и трудоустройства. Если говорить про Евразийский экономический союз, в 2017-м году президенты всех пяти стран договорились об основных направлениях реализации цифровой повестки. В этом году на уровне вице-премьеров стран Евразийского экономического союза одобрен запуск так называемой электронной биржи труда, и эту инициативу, что интересно, выдвинуло Министерство труда и социальной защиты населения Казахстана. Казахстан в этом смысле вообще был идеологом создания Евразийского экономического союза. Разумеется, это проект интересен для России, он интересен по-своему Казахстану, и для Армении и Кыргызстана тоже. Конечно, основное количество мигрантов в России из Кыргызстана. Армения – особая история, то есть 4 миллиона человек живут в самой Армении и порядка 6 миллионов человек по всему миру, то есть это такая нация-космополит.

Если говорить про нашу цифровую историю, проект называется «Цифровая экосистема для обеспечения трудоустройства и занятости граждан в государствах-членах

Евразийского экономического союза». Этот проект мы рассчитываем завершить до конца 2019-го года - это предполагает анализ рынка труда, это про сложности, про потребности, про спрос. В итоге должно появиться что-то вроде архитектуры для формирования вот этой самой цифровой системы. Сейчас старт этого проекта, возможно, появятся какие-то средства для того, чтобы системно получать информацию, как-то простроить воедино эту систему. И, соответственно, планируется изучить свод нормативной базы, потому что мы, Евразийский экономический союз и Евразийская комиссия – это про попытку гармонизировать правила игры на пространстве бывшего Союза в этих пяти странах. То есть там, где есть пробелы, там, где есть какие-то противоречия, попытка объединить и сделать так, чтобы можно было играть по правилам единым.

Соответственно, предполагается сделать свод предложений по возможным изменениям нормативно-правовых актов союза. Я думаю, что это действительно может серьезно повлиять и на ситуацию для последующего изучения социологами, потому что нам как раз не хватает вот этого знания во многом. Мы разговаривали с Еленой, как в странах воспринимают вот все эти вещи, то есть там такая штука, как общие ценности, какие-то потребности, есть вещи, которые неизменны со времен Советского Союза. В то же время меняется мир. Мы вот пытаемся эту информацию как-то сводить воедино и создавать максимальное количество возможностей для того, чтобы действительно появился этот свободный рынок труда. Сейчас вот такая немножко абстрактная категория, но, тем не менее, мы считаем, что много поменялось для того, чтобы люди могли получать на пространстве ЕАЭС работу, выплачивать налоги, и для того, чтобы не было «серой» зоны и, в общем, всем было хорошо.

Модератор: Вот у меня такой вопрос. Вчера говорили очень много о Дальнем Востоке, о работе с Министерством по развитию Дальнего Востока, о огромных инфраструктурных проектах развития субъектов НКО, и очень много лет как раз стоит вопрос о необходимости создания межрегиональной базы, электронной базы рынка труда именно для дальневосточников. И более глобальную всероссийскую модель очень много лет предлагает создать Сергей Рязанцев, директор Института социально-политических исследований Российской академии наук. Эта идея очень востребована - как внутри, так и на межстрановом пространстве. Как ваша организация осуществляет взаимодействие с российскими учеными, как они интегрированы? Или это какие-то международные коллективы? И возможно ли ту модель, которую вы разрабатываете, будет использовать для решения внутривосточных задач?

Герасимова Анастасия: Если говорить про вот эту историю цифровую - это будет большой НИР. Вот сейчас объявлен конкурс, 25-го числа мы поймем, кто там что выиграл. Речь идет о том, чтобы институты и разработчики из нескольких стран договорились о взаимодействии. Это будет некий консорциум, который как будто бы намечается про цифровую историю, и про какую-то социологическую историю. Это все будет происходить в рамках рабочих групп, такая стандартная достаточно группа, то есть приглашаются эксперты, или они сами выходят на нас, наиболее активные, со своим идейными предложениями, и там в режиме онлайн или офлайн, видео, некое количество сессий проходит, и, собственно, работают над документом. То есть некие вопросы и предложения с последующим обсуждением, чаяниями, надеждами, с рассказом о том, какие все-таки проблемы есть, как их можно решать для всех пяти стран (потому что они

в каком-то смысле одинаковы, а в каком-то смысле разные, потому что рынок труда разный, и в России есть спрос на там определенное количество специальностей, а в Армении другие проблемы и в Кыргызстане).

Модератор: Вот здесь сидит большое количество людей, которые наверняка многие заинтересованы участвовать активно в этой теме, вот как им включиться в этот процесс, что они должны сделать? Наверняка здесь есть специалисты, которые готовы внести свой вклад в этот проект.

Герасимова Анастасия: Я думаю, что это будет организованный сбор предложений, то есть это двухэтапный НИР: до конца года он будет происходить, там и про научную некую составляющую будет, и про цифровые основы. Допустим, это софт, вот то есть попытка совместить все – это как может происходить технически. Можете просто присылать свои предложения. О чем могут быть, мне пока сложно судить, но если они есть, мы открыты к диалогу, потому что не хватает зачастую информации о том, что происходит на месте. Да, действительно, не хватает порой информации, как есть.

Модератор: Пожалуйста, вопрос.

Реплика из зала: Два вопроса. Первый вопрос. Значит, вы говорите о том, что задача, по большому счету – построить модель цифровой экосистемы. Первое, значит, что вы все-таки понимаете под экосистемой? И второй вопрос – какие примеры, возможно, в мире существуют уже эффективных вот таких моделей построенных вот цифровой экосистемы в области как раз миграционных, иммиграционных процессов (если говорить точнее)?

Герасимова Анастасия: Честно говоря, даже не с чем сравнить, потому что в некотором смысле это будет такой первый опыт. Есть глобальный бизнес, который построен с расчетом на пользователей в разных странах. А на законодательном уровне, честно говоря, я не знаю подобных проектов. У нас подобные проекты сейчас запускаются в сферы, которые касаются скорее бизнеса. Прослеживаемость, маркировка - мы тут пионерами на самом деле выступаем, то есть можем сравнивать только с какими-то большими глобальными площадками, здесь речь идет о том, чтобы обмениваться данными... То есть это должен быть свод информации такой, которая есть только на бизнес- площадках, и информации, которая существует у профильных ведомств. Поэтому сложно, вот это все и называется экосистемой. Это, в общем, где-то даже философская величина, то есть Яндекс строит свою экосистему - это и про софт, это и про продукты, это про идеологию, и называется это все экосистемой.

Модератор: Хочу поделиться опытом. Экспертный Совет при Правительстве РФ, рабочие и экспертные группы - они активно работают над согласованием законодательных актов. Например, над соглашениями по вопросам пенсионного обеспечения тех граждан, которые уезжают за рубеж. Совсем недавно рассматривались такие соглашения с Венгрией, с Болгарией, с рядом других стран. То есть уже существует механизм, когда люди, обладающие компетенциями и опытом, на базе своих знаний могут оценить, где риски принятия того или иного нормативного акта и чего не хватает.

Перейдем к нашему другому докладчику - Сивоплясова Светлана Юрьевна, ведущий научный сотрудник отдела воспроизводства населения демографической политики центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН. Это коллектив, которые очень многие годы проводит очень интересные проекты в сфере анализа миграционных процессов, в том числе - межстрановых. Это коллектив, который

реализовал очень интересный проект, который называется «Миграционные мосты» - задача этого проекта была как раз в выстраивании горизонтальных связей между учеными и глубокое понимание каких-то процессов, связанных с управлением миграцией. Светлана, можете Вы немного рассказать об этом проекте, и потом перейдем к вашему докладу, хорошо?

Сивоплясова Светлана: Здравствуйте, уважаемые коллеги! С удовольствием расскажу о нашем небольшом проекте, которому в прошлом году исполнилось 10 лет и который носит название «Миграционные мосты Евразии». Идеологом и инициатором этого проекта стал директор нашего института, член-корреспондент РАН Рязанцев Сергей Васильевич. Этот проект реализуется в виде ежегодных конференций, которые проводятся в Москве, последние несколько лет они проводились на базе Университета международных отношений МГИМО, и совместно с нашими коллегами из разных стран вторая часть конференции проводится на базе научных институтов и вузов других стран. Наши уже коллеги постоянные – это университет в Худжанде, в Таджикистане, которые нас принимали первые годы и активно приезжают к нам в Москву, выступают тоже с докладами. Собственно говоря, этот проект, эта конференция затрагивает вопросы миграции во всех ее проявлениях - и постоянная миграция, и трудовая миграция, образовательная, проблемы адаптации, проблемы торговли людьми и т. д, и т.д. Я с удовольствием приглашаю вас принять участие в 11-ых миграционных мостах, которые пройдут в декабре месяце в Москве, информация есть на сайте нашего института.

Ну и я перейду непосредственно к своему докладу. Сегодня хотела бы затронуть тему брачной миграции. Это весьма специфическая форма миграции, о ее специфике, я скажу несколько позже.

Начну с определения. Вообще в литературе встречается два подхода к определению брачной миграции. Первый подход подразумевает, что брачная миграция – это переезд лица к новому месту жительства с целью заключения брака и создания семьи, а также переезд к супругу-мигранту. Но такой подход нам кажется несколько избыточным, потому, как, помимо того, что в этот миграционный поток включаются люди, имеющие цель создание семьи, нахождение брачного партнера и создание семьи за рубежом, плюс еще и переезд к супругу-мигранту, а это совершенно другая категория людей, и совершенно иные последствия вызывает эта миграция.

Второй подход подразумевает под брачной миграцией переезд лица для создания семьи и регистрации брака. Этот подход нам ближе, основываясь на нем, мы выводили свое понятие. Под брачной миграцией мы понимаем перемещение людей через границу с целью заключения брака с иностранным гражданином. Здесь мы учитывали именно международную компоненту, международную брачную миграцию.

Сам феномен брачной миграции возник очень давно. Еще в первобытных обществах, часто случались ситуации, когда женихи или невесты, представители разных племен, заключали брак и переезжали из одного племени в другое. Но такое поведение было продиктовано самосохранительной мотивацией и, по большей части, медицинскими причинами. В несколько более поздний период, в период расцвета монархии, представители правящих династий разных стран заключали между собой браки, и вот такое поведение было продиктовано, помимо медицинских причин, еще и политическими. По большому счету, заключение брака между представителями

правлящих династий разных стран установило своего рода, может быть, гарантии защиты от военных действий и дельнейшем создании благоприятных условий для ведения экономической деятельности. В современный же период брачная миграция является очень распространенным явлением во всем мире, наша страна в данном случае не исключение. Вопросы поиска партнера, создания семьи, конечно, являются личным делом каждого человека. Но те последствия, которые вызывает брачная миграция, они весьма разнообразны, обширны, и не всегда имеют положительный оттенок.

Что касается особенностей брачной эмиграции из России. Дело в том, что брачная миграция, в принципе, в мире – это миграция женская преимущественно. Вообще, по оценкам экспертов, около 98% брачного миграционного потока составляют женщины и девушки. Что касается наших российских реалий и качественного состава эмигрантов, то это, в основном, молодые красивые девушки, средний возраст которых - так называемое «золотое десятилетие», как мы с коллегами говорим, от 19,5 до 28 лет. Как правило, это женщины и девушки, которые имеют высшее образование, не имеют детей, и часто ранее не состояли в браке. Ну, конечно, это не 100%, но основная масса миграционного потока.

По большому счету брачная эмиграция из России представляет собой некий социокультурный феномен, даже за рубежом появилось такое понятие, как «русская жена», которое стало своеобразным брендом. Русская жена подразумевает не просто этническую какую-то компоненту, в понятие «русская жена», вернее, русской женой называют и женщин-украинок, белорусок, молдаванок. То есть, по сути, по фенотипу, с одной стороны, а с другой стороны, по ментальности, по очень схожей ментальности.

Ну и, так как моя тематика касается проблем и прогнозов брачной миграции, как раз хотела остановиться более подробнее на проблемах. Я бы хотела смотреть с двух точек зрения. Первый блок проблем – это проблемы, связанные непосредственно с заключением феномена брачной миграции, и, наверное, одна из основных проблем – это недостаток статистической информации. Мы можем пользоваться при изучении миграционных потоков данными Федеральной службы государственной статистики. Но для целей настоящего исследования в чистом виде их использовать нельзя, потому что, с одной стороны, нет учета именно брачной миграции по такому основанию, а с другой стороны - те правила учета эмигрантов, которые у нас сейчас имеют место быть с 2012 года, они как раз и не дают вот той четкой и полной картины, сколько же людей выехало у нас из страны, тем более, что выезжающие эмигранты не обязаны уведомлять органы госвласти о своем выезде. Поэтому данные Федеральной службы государственной статистики мы использовали только в совокупности с экспертными оценками, а эксперты нам говорят, что около трети женщин, выезжающих за рубеж, имеют отношение к брачному каналу миграции.

Я здесь хочу сразу оговориться, это не подразумевает, что они выехали именно с целью заключения брака, они могли выехать и с другой целью, но там найти спутника жизни, выйти замуж и остаться в другой стране. И вот, исходя из такой оценки, мы с вами знаем, что за 24 года, с 93-го по 2017-й год, из страны на постоянное место жительства за рубеж выехали более 1,4 миллиона женщин. С учетом экспертных оценок мы рассчитали, что за этот период, за 24 года, нашу страну покинуло не менее 350 тысяч женщин именно по причине создания семьи за рубежом. Так как в полной мере использовать данные отечественной статистики не представляется возможным, мы

использовали данные зарубежной статистики по иммиграции. Но здесь тоже есть ряд ограничений, потому что далеко не все страны ведут статистический учет иммиграционного потока по основаниям заключения брака. Поэтому мы использовали косвенные по сути показатели, например, данные о числе выданных так называемых «виз невест». Такие визы выдаются Соединенными Штатами Америки. Это виза категории К. Собственно, ведется поодной учет по данным визам и в Германии представлены статистические данные тоже по числу выданных «виз невест».

Вторая категория данных, которые были использованы – это о числе зарегистрированных браков между гражданами страны и россиянками. Вот этими данными мы пользовались по Испании.

Третья категория – данные о численности иностранцев, получивших гражданство страны на основании заключенного брака с гражданином государства. Такие данные представлены по Франции. То есть когда выдается гражданство по причине того, что заключен некоторый период назад брак с гражданином другой страны. Вот этот некоторый период в настоящее время с 2016 года во Франции принимается как четыре года. То есть после четырех лет брака можно подавать документы, при условии проживания на территории Франции, а не на территории, которая включает в себя французские подчиненные территории.

И еще одна категория данных, которые мы использовали – это результаты переписи населения, в которых указывается численность смешанных браков. Такие данные мы брали по Японии, но эти данные были представлены только по переписям конца 20 века, 90-х годов. В современных японских переписях такого учета тоже, к сожалению, не ведется.

Также были использованы экспертные оценки, когда специфические данные в принципе найти было очень сложно. Это данные по Корею и по Китаю. К слову сказать, Корея в данном вопросе по поводу брачной миграции очень любопытная страна, потому как в настоящее время около 10 процентов всех браков, которые заключаются в этой стране, согласно экспертным оценкам, – это браки между корейцами и гражданами других стран. Чуть более в ранний период эта цифра была даже больше. И были использованы данные консульского учета. Это данные Турции и ЮАР. И когда мы проанализировали масштабы эмиграционного потока, то стало очевидно, что вот та цифра – 350 тысяч женщин выехавших, она, скорее всего, в реальности раза в 2-3 больше.

Вторая категория проблем, которые хотелось бы рассмотреть, это непосредственно проблемы, связанные с брачной миграцией из России как явлением. Их, конечно, можно выделить довольно много. Я бы хотела остановиться на четырех. Конечно, мы можем выделить и положительные, и отрицательные последствия. Положительные последствия прежде всего проявляются тогда, когда женщина находит спутника жизни, о котором мечтала, заключается брак по любви. И собственно, семья существует долго и счастливо. Но если женщина сталкивается с обманом, вот здесь возникают негативные последствия, и их нужно разделить на последствия для страны – и последствия для самой женщины.

Что касается последствий для страны, прежде всего брачная эмиграция вызывает прямое сокращение численности населения. Женщины выезжают за рубеж, создают там семьи, и эта форма миграции, наверное, как никакая другая чаще всего становится

безвозвратной. Даже если брак, к сожалению, не складывается и заканчивается разводом, как правило, женщины на родину в Россию не возвращаются. Они продолжают поиски спутника жизни либо в той стране, куда они приехали, либо в третьих странах. И вот, к слову сказать, если она заключает повторный брак с представителем другой страны, то она для статистики просто теряется. И вычленить вот эту категорию женщин практически не представляется возможным.

А второе последствие – это такое косвенное сокращение численности населения. Оно выражается в том, что женщина, уехав за рубеж к мужу-иностранцу, рождает детей уже не на территории нашей страны, а на территории других государств. Мы использовали данные о эмиграционном потоке численности женщин, выехавших за рубеж с целью создания брака и в совокупности с данными по официальному коэффициенту рождаемости, и было рассчитано, что с 1993 по 2016 год наша страна не досчиталась около полумиллиона детей.

Но мы проводили опрос, о котором я скажу несколько позже, и в опросе мы задавали вопрос о репродуктивных планах женщин, желающих выехать за рубеж, и мы заметили, что репродуктивные установки женщин, ориентированных на миграцию, они выше, чем те репродуктивные установки женщин, которые хотели бы остаться в нашей стране. И вот с учетом вот этого фактора перерасчет косвенного уточнения численности населения был сделан и получилось, что наша страна за тот же самый период не досчиталась около 0,60-х миллиона детей.

Что касается негативных последствий непосредственно для самой женщины, то, как я уже говорила, они возникают тогда, когда женщина сталкивается с обманом. И, наверное, наиболее острые проблемы – это риск попадания в систему международного трафика, потому как мужчина может оказаться совершенно не тем, за кого он себя выдает, может оказаться вербовщиком. Ну и, собственно говоря, женщина, переезжая к нему в страну, может остаться без документов, оказаться в борделе, подвергаться сексуальной эксплуатации и т.д. А из такого плена вырваться практически невозможно. И если это все-таки удастся, то, в общем-то, психологическая травма остается на всю жизнь. Таким образом, женщина теряет и психическое, и физическое здоровье и, к сожалению, нередко даже жизнь.

И второе негативное последствие, на котором тоже хотела остановиться – это риск отъема детей. Отмечено, что около 90 процентов международных браков распадается. И встает, соответственно, вопрос о дальнейшем месте жительства детей. И вот здесь мы, по крайней мере, обнаружили два негативных варианта сценариев, которые могут быть. В некоторых странах определение дальнейшего места жительства детей происходит через суд. Чаще всего суды встают все-таки на сторону отца-иностранца. В других же странах (это ближневосточные страны) есть прямое указание на то, что дети всегда остаются с отцом. Поэтому, собственно, женщина может оказаться без детей. Причем те истории и жизнеописания, которые мы встречали, часто связаны с тем, что остаются дети не только совместные, но и даже дети от предыдущих браков, если таковые были, нередко случаи. И вот как жизненная стратегия женщин-брачных эмигрантов - они при рождении ребенка всегда стремятся обратиться в консульские учреждения, чтобы получить для детей и российское гражданство тоже. Это своего рода защита от такого негативного варианта развития событий.

Ну и как раз перейдем к нашему опросу. Вот в соответствии с этими данными я бы хотела рассказать о прогнозах брачной эмиграции. Мы проводили опрос в трех регионах. Эти регионы были выбраны неслучайно. Наши более ранние исследования показали, что город Санкт-Петербург, Астраханская область и Смоленская область относятся к регионам с высоким уровнем женской эмиграции. Мы спрашивали о миграционных намерениях женщин, об их предыдущем миграционном опыте и выяснили, что более 60 процентов респондентов выезжали за рубеж. Из тех, кто выезжал, чуть больше 83% выезжали с туристической целью, около четверти - посещали родственников. При всем при этом около 4% – это женщины, которые надеялись удачно выйти замуж. Более 50 % выезжающих за рубеж задумывались о том, чтобы остаться за рубежом на более длительный период, чем длилась их поездка.

Помимо того, что женщины задумывались, важно, предпринимали ли они какие-либо шаги, какие-либо действия для переезда. И вот был задан вопрос о том, предпринимали ли они какие-либо действия, связанные с возможным переездом из России за рубеж. Среди задумывавшихся о переезде 45,5% предпринимали конкретные действия. Из них большинство, 77%, изучали иностранные языки, около половины – совершали туристические поездки, ознакомились с другой страной. И около 50% узнали правила и законы въезда в другую страну.

Мы посмотрели и по возрасту, мы опрашивали женщин репродуктивного возраста. Посмотрели по возрастным категориям, и оказалось, что женщины более старшего возраста прежде всего ознакомились с правилами и законами, а более юного – совершали туристические поездки. Но помимо этого, в рамках действий, которые предпринимались, более 10% осуществляли поиски потенциального партнера в другой стране.

Что же заставляет женщин стремиться за рубеж? Прежде всего, это представление о том, что за рубежом существует общий достаток, комфортная жизнь. Около 52% женщин, которые задумывались о переезде, отметили именно этот вариант ответа. Чуть более 40% говорят о том, что не устраивает их низкая заработная плата в России. Чуть менее 40% говорят о возможности карьерного роста в другой стране. Около трети отметили возможность получить хорошее образование, возможность занять хорошо оплачиваемую должность, отсутствие жизненных перспектив в России. Около четверти говорили о бедности в России, о неблагоприятном климате, как о факторе выталкивающем. Около пятой части, около 20% говорили о низком качестве образования в России. Но при этом более 10% в качестве выталкивающего фактора отметили возможность выйти замуж в другой стране. И еще 5,5% указали на невозможность выйти замуж в России. То есть вот эти, по сути, 16% они задумывались о брачном канале миграции как таковом.

Еще хотела бы рассказать об одном опросе, который мы проводили с коллегами из нашего центра, который проводился с целью выявления брачных репродуктивных намерений нашей студенческой молодежи, но некоторые вопросы касались миграционных планов. Этот опрос проводился с 2013 по 2018 год, охвачено было 20 городов России. Отмечены на карте красным цветом регионы. В некоторых регионах по два города были опрошены. Всего было собрано более 2000 анкет. И здесь я бы хотела представить данные по 13 только городам, это связано с техническими возможностями обработки. Обратите, пожалуйста, внимание, задавался вопрос: где бы вы хотели создать

семью? Это ответы только девушек-студенток. Преимущественно отвечали: либо только в России, либо неважно, зависит от того, где будут благоприятные условия. Мы с коллегами условно разделили эти две категории на патриоты и прагматики.

Доля девушек, которые бы хотели создать семью только за пределами России и стран СНГ, в целом не настолько велика - от 1,6% в Махачкале (в целом представительницы Дагестана - более патриотично ориентированные девушки), до самого высокого показателя, он у нас был отмечен в Калининграде: почти 15% женщин хотели бы создать семью только за пределами России и стран СНГ. То есть дифференциация довольно большая. Но если в целом посмотреть, то тоже наши данные, наши цифры укладываются в те 10-15%, которые показал и предыдущий опрос тоже.

Ну, с одной стороны, представляется, что, наверное, цифры не столь большие, но как я ранее говорила, очень часто в брачную миграцию переходят другие формы миграции. Женщина поехала с целью трудоустройства, там познакомилась с приятным молодым человеком, вышла замуж и осталась жить. Уехала к родственникам, поехала лечиться, поехала получать образование и т.д. Собственно говоря, вот поэтому реальный эмиграционный поток, связанный с брачным каналом, он намного больше. Ну и ввиду такой вот масштабности с одной стороны, а с другой стороны, ввиду крайней сложности регулирования данного миграционного потока, наверное, можно назвать только те меры, которые необходимо предпринимать для снижения этих негативных последствий, о которых я говорила.

В качестве основных мер можно было бы назвать подписание соглашений между Россией и другими странами, соглашений о трудовой миграции, которые охватывали вопросы защиты прав женщин и детей. И плюс эти же соглашения можно подписывать в отношении пресечения трафика. Потому что расследование этих преступлений весьма затруднено, особенно если это международные компоненты. Это одно направление.

А второе направление – это вести разъяснительную деятельность среди женщин, рассказывать об особенностях культуры той страны, в которую она собирается. Может быть, даже еще на этапе планирования брачной миграции. Благодарю за внимание.

Модератор: Перед тем, как перейти к вопросам, я хотела уточнить два аспекта. Первый относительно принципов построения выборки в первом исследовании. У вас там 559 человек в трех субъектах. А кто эти женщины, как вы их подбирали, насколько репрезентативными мы можем считать результаты?

Сивоплясова Светлана: Спасибо за вопрос. Мы отбирали с учетом численности населения и с учетом возрастной структуры. Так как ограничение возраста именно женщин репродуктивного возраста, то, соответственно, вот эту категорию мы разбили и пропорционально выбирали.

Модератор: А по территориальному признаку?

Сивоплясова Светлана: По территориальному признаку это был и центральный город, и районы.

Модератор: Это личные, очные интервью, телефонные?

Сивоплясова Светлана: Нет, это анкеты.

Модератор: И второй вопрос скорее эмоциональный. Вы сказали, что 16 процентов женщин, что вот хотели бы найти мужа за рубежом только потому, что невозможно выйти замуж в России. У нас сегодня ключевая тема – социальная инженерия. Как мы, как социальные инженеры, можем повлиять на этот процесс, что с этим делать?

Сивоплясова Светлана: Ну это, наверное, сложный вопрос. Дело в том, что выталкивающих факторов довольно много, и собственно говоря, для женщины уровень притязаний в отношении будущего супруга довольно высокий, поэтому если мужчины не соответствуют ожиданиям по тем или иным причинам, и если мы поможем им, наоборот, отвечать, то, возможно, это число несколько сократится.

Реплика из зала: А вот эта региональная дифференциация с чем связана?

Сивоплясова Светлана: Мы связываем во многом в приграничном положении. Калининградская область... Когда производился расчет, у нас, конечно, была гипотеза, какие регионы попадут в эту категорию. Когда провели исследование, основываясь на статистических данных, и увидели, что вот эти три региона, задались вопросом, что связывает. Связывает, по большому счету, приграничное положение и легкость пересечения границ.

Реплика из зала: И как красоту девушек оценивают? Ну вы сказали, красивые девушки.

Сивоплясова Светлана: Субъективно.

Реплика из зала: Значит, надо уменьшить красоту, тогда миграции не будет. (смех).

Реплика из зала: У меня вопрос скорее в продолжение вопроса Елены Александровны. Честно говоря, позволю не согласиться с тем, что уж очень высокий уровень притязаний, поскольку я тоже занималась этим вопросом. Если посмотреть, за кого наши девушки часто выходят замуж, в частности, в Соединенных Штатах, то оказывается, что это те мужчины, за которых как раз американки не шли замуж. Но это отдельный вопрос.

У меня вопрос такой. Все-таки мы смотрим на ситуацию в российском обществе. Как вы думаете, не может ли вот эту ситуацию как-то компенсировать или сбалансировать брачная иммиграция в Россию? Там ведь все с точностью до наоборот, там в основном мужчины, ну и т.д. Может быть как раз эти девушки, которые не могли найти себе мужа, останутся в России, но муж, опять же, будет из республик СНГ, например? Такой у меня вопрос. С точки зрения демографии хотя бы, чтобы детей досчитаться.

Сивоплясова Светлана: Спасибо большое за вопрос. Прокомментирую ситуацию в Соединенных Штатах Америки. На самом деле, брачная миграция, она во многом связана с теми стереотипами и, может быть, даже мифами, которые существуют, и которые во многом, наверное, сформировались даже в 90-е годы. Когда нам представлялась жизнь за рубежом красивой, яркой, всегда обеспеченной, состоятельной, мужчина - красивый и привлекательный, принц на белом коне и т.д., поэтому, собственно говоря, женщины и переезжают, по факту. Видим то, что видим. Но в представлениях это всегда лучше, чем здесь, в стране. Что касается брачной иммиграции, в рамках этого исследования мы не занимались этим вопросом, но в дальнейшем планируем. Немножко касались, всегда касались этого вопроса. С точки зрения количественной она может компенсировать. С точки зрения качественной здесь вопрос еще для дальнейших исследований.

Реплика из зала: Что там с качеством не так?

Реплика из зала: Хотелось бы задать вопрос такой: у вас было в вашей презентации, что 90% браков распадается. Вопрос: это откуда такая статистика? Второе - цель поездки у вас озвучивают как «выйти замуж» только 3,6% всего лишь. То есть непонятна иногда цель, в некоторых опросах это как установка. То есть 3,6 % - это не так много ровным счетом. Я, к сожалению, не успела посмотреть, было ли такое, что женщины, какой-то процент, уже не только знакомилась с документами, а именно подавали документы. То есть это те люди, которые уже реально отбывают.

И еще хотелось уточнить по поводу 77% тех, которые изучают язык. То есть не могут это быть те же люди, которые в школе изучали язык и считают, что они его как бы изучали. У меня просто много вопросов, если на что-то ответите, будет прекрасно. Некие данные, которые я записала, по Испании численность зарегистрированных браков, насколько их можно считать корректными (что люди там женились)? Действительно можно ли считать это брачной миграцией? И также у меня возникает вопрос, потому что Вы часто отмечали, что люди приезжают туда, возможно, устраиваться на работу, а в итоге по какой-то счастливой случайности или несчастливой они женятся. Можем ли действительно это считать именно брачной миграцией? У меня на этом все, спасибо большое.

Сивоплясова Светлана: Спасибо. Что касается цифры 90% по разводам – это экспертные оценки, и мы их получали, опрашивая сотрудников посольств и консульств нашей страны. Что касается 3,6%, как указавших цель заключения брака – это те женщины, которые да, действительно говорят, что хотела бы выйти замуж за иностранца. На самом деле, подспудно, переезжая в другую страну, эта цель в принципе может стоять, но женщина даже в опросах может ее не указывать. Поэтому это как раз те данные, которые мы получили. Но мы должны понимать, что реальное число гораздо больше будет.

Что касается 77%, которые изучали язык. Да, у нас было такое предположение, что возможен такой вариант ответа. Что касается данных по Испании, то это данные именно испанской статистики, они ведут учет по гражданству жениха и невесты при заключении брака. И мы как раз выбирали гражданство жениха - Испания, гражданство невесты - Россия. И получились данные, что в последние годы, данные по 2017-му году, сейчас боюсь ошибиться, около 600 браков было заключено. Несколько лет назад число браков доходило до 900 в год. Это что касается данных по Испании. Все данные, которые мы брали – Франция, Испания, я называла, Германия, США, - это именно официальные данные статистики тех стран, которые мы рассматривали.

Реплика из зала: У меня возникает вопрос – 90% разводов. Нет ли здесь такой закономерности, что женщины пытаются выйти замуж за иностранца только для того, чтобы получить какие-то льготы при оформлении гражданства? Что 90% брака являются не с разводами, а что они просто фиктивны изначально?

Сивоплясова Светлана: Да, конечно, есть. Безусловно, это явление характерное для, наверное, середины 90-х годов. Действительно, большое число браков, по сути, являлось по сути фиктивными, и когда страны приема обнаружили вот этот факт, то были предприняты попытки по пресечению фиктивных браков - всевозможные контроли и т.д. Сейчас, вероятнее всего, да, это тоже измерить очень тяжело, число фиктивных браков

снизилось. Но в эти 90% будут входить еще и различия в менталитете – надеялась на одно, в итоге не сошлись характерами.

Реплика из зала: Спасибо большое. Может быть, я прослушал, подскажите, пожалуйста, использовали ли вы при получении каких-то данных теперь уже старомодные big data, обращались ли, например, к Артуру Хачияну, чтобы через социальные сети, скажем, отследить не декларируемое, не такое полу-фиктивное положение дел, а более реальное. Когда девушка в социальных сетях со мной время проводит именно с выходом на посольство, с поиском себе партнера, не знаю, в Америке, в Гватемале или еще где-то. То есть использовали ли, теперь уже скажем так, мониторинг социальных сетей?

Сивоплясова Светлана: Нет, в данном исследовании мониторинг социальных сетей не проводился. Но мы, во-первых, анализировали жизнеописания в средствах массовой информации, всевозможные блоги. Была выпущена большая серия передач под названием «Русские жены», где как раз девушки делились историями из своей жизни с гражданами разных государств. И более, того в рамках данного исследования мы встречались и с самими женщинами непосредственно, проводили глубинные неструктурированные интервью, которые нам позволили многие выводы именно о жизненных стратегиях, об установках, ориентациях и т.д.

Реплика из зала: Я по поводу опять 90% – есть ли какие-то данные, сколько же все-таки из них успели получить гражданство? Это первый вопрос. И второй вопрос: вы сказали, что вот эти девушки 19-28 лет, которые выезжают, они больше, чем те, кто остаются, настроены на рождение детей. Это какой-то естественный самоотбор, или Вы другие причины видите? Почему они больше настроены на рождение детей, чем те, которые остаются?

Сивоплясова Светлана: По поводу 90% - это...

Реплика из зала: Сколько получили гражданство.

Сивоплясова Светлана: Сколько получили гражданство - такие данные только по Франции, в других странах, к сожалению не нашли. Сейчас в численном отношении, наверное, быстро Вам ответить не смогу, но что касается числа женщин, получивших гражданство по причине заключения брака с французом, наша страна занимает 4-е место. Первые три места - это страны Магриба, четвертая – это наша страна. Вообще во Франции очень высокая доля брачной эмиграции.

Реплика из зала: Девушки, которые переезжают в Америку, вы сказали, что у нас....

Сивоплясова Светлана: Да, вот с чем это связано, наверное, сложно сказать, потому что наш опрос не предполагал такого анализа, поэтому, может быть, они ориентированы на более благополучную жизнь...

Модератор: Мы, наверное, замучили Светлану своими вопросами. Я просто вспоминаю о 90-х годах. Когда мы только начали активно развивать исследования в сфере миграциологии, когда у нас в принципе началась активное передвижение за пределы границ, было очень интересное исследование, которое проводила Ольга Ивановна Маковская. Вы, наверное, с ней знакомы. Когда она выезжала в эти семьи, в течение длительного периода беседовала с женщинами, наблюдала за тем, как происходит процесс интеграции, какие возникают сложности, как формируются семьи.

Но тогда процент распада, по-моему, был гораздо ниже, и было бы интересно сейчас сравнить те данные, которые получила Ольга, ее выводы с тем, что получили Вы, беседуя с этими женщинами. Изменилась ли мотивация? Изменился ли сам процесс адаптации.

Мы наблюдаем очень сложное явление, и об этом говорят не только наши ученые, об этом говорят зарубежные исследователи. Когда в условиях современной системы коммуникации большие группы людей приезжают в другие страны, затрудняется процесс интеграции и адаптации за счет поддержки социальных связей со средами привычного обитания. Мигранты в течение длительного времени могут жить в стране, но за счет современных средств коммуникации основной средой общения для них будут оставаться группы, проживающие в стране выезда. Эти этнические группы мигрантов поддерживают коммуникацию посредством социальных сетей с представителями своих родственных структур и т.д., т у них нет особой необходимости интегрироваться. Но это очень серьезная проблема с точки зрения поддержания единства социальной системы, и это высокие риски и вопросы для возникновения социальных конфликтов между принимающим сообществом и мигрантами. Это, в том числе, получение информации о том, что происходит в стране пребывания, на родном языке из СМИ, выходящих в стране исхода – и это уже политические риски.

Мы видим, что в числе ключевых проблем в сфере межнациональных отношений эксперты, прежде всего, называют взаимодействие принимающего сообщества с мигрантами. Вот это основная зона риска, это основная зона возникновения конфликтов и это то, на что в первую очередь необходимо обращать внимание при ориентации национальной политики и миграционной политики. Как управлять этими процессами, как предотвращать эти риски, можем ли мы вообще на это влиять, и где у нас ограничения, что вообще следует предпринимать государству?

Одним из наиболее проблемных макрорегионов с точки зрения управления миграционными вопросами является на сегодняшний день, наверное, Дальний Восток. Светлана Мищук приехала к нам из Биробиджана. Светлана Николаевна, очень прошу рассказать о том, какие проблемы с управлением миграционными процессами есть в регионе, и какие решения, возможно, подходят для решению этих задач сегодня?

Мищук Светлана: Уважаемые коллеги! Если говорить о Дальнем Востоке, я попробую обозначить несколько проблемных аспектов в миграционной политике, на мой взгляд. Здесь нужно сказать, просто некоторая ремарка – как раз когда было сказано, что Дальний Восток - отдельный регион, там уже Китай. Но я хочу сказать, что, по данным на 2015-й год, только три региона Дальнего Востока из старого состава, из 9 субъектов, у них преобладало количество трудовой миграции, преобладали мигранты из Китая. Это ЕАО, Амурская область и Приморский край. Причем в Приморском крае это было 54%. Если мы смотрим данные за 17-й год, 18-го пока нет, то там в Приморье преобладают уже мигранты из СНГ. Поэтому здесь хочу сказать, для меня это было самое удивительное, когда я 15 лет начала заниматься миграционными процессами на Дальнем Востоке, что на Дальнем Востоке-то не преобладают китайцы везде, ЕАО - она уникальная, где 98-99% привлеченных трудовых ресурсов – это китайцы. То есть Дальний Восток - он совершенно разный.

Теперь я хочу напомнить, что 4 ноября 2018 года Дальний Восток расширился, к нам присоединились 2 субъекта, это Забайкальский край и Республика Бурятия. И если до

этого момента у нас – я просто ремарку, чтобы вы понимали, о чем мы говорим – численность населения у нас была 6,2 млн. человек, и доля составляла порядка 4,8% населения. Всегда стандартно было, что Дальний Восток – это 5% населения страны, но 34% площади России. После присоединения двух субъектов – просто уточню, что Бурятия – это порядка 963 тысяч человек, Забайкальский край – около миллиона, то есть наша численность Дальнего Востока легким движением руки перестала уменьшаться. А стала, как была, например, 25 лет назад, 8 миллионов человек. Собственно, Елена Александровна, показатель достигнут, как и прогнозировали – 8 миллионов, как ни странно.

Я историю расскажу. В 2015-м году у нас некоторый был такой баттл – то есть когда разрабатывалась Концепция демографического развития Дальнего Востока, то там возникал вопрос о прогнозной цифре численности населения на Дальнем Востоке. И была поставлена цифра – 8 миллионов человек. Что некоторых экспертов поставило в тупик, потому что постоянная динамика – глубоко отрицательная, и откуда взять за пять лет убывших 2,5 миллиона человек за 25 лет, неизвестно. А вот технически – раз, и свершилось. На самом деле, те, кто прогнозы такие ставил, он был прав, как оказалось. Я была неправа, говоря, что это невозможно, признаю.

Но теперь возвращаемся к политике. Я вчера говорила, и здесь нужно отметить, что да, действительно, Дальнему Востоку уделяется большое внимание. Иногда я говорю, что если бы я не жила на Дальнем Востоке, я бы его уже возненавидела. Потому что столько предпочтений, как минимум, на словах. И это вам, и это вам, и программы разные, и все остальное прочее, а вы все жалуетесь и жалуетесь, – непонятно. С другой стороны, население уезжает. Я напоминаю, за 25 лет оттуда уехало 2,5 миллиона человек, отток не прекращается. Он стал в объемах меньше, потому что уехали массово. Но уезжают, сокращается население.

И соответственно, задача, если мы возвращаемся к миграционной политике – это остановить поток. Это было заложено в Концепции демографического развития Дальнего Востока, которая была принята в июне 2017 года. А второй этап – это, соответственно, увеличить численность населения, то есть изменить направление миграции. Чуть-чуть пока мы не достигли того, чтобы остановить, но процессы идут.

Но здесь я хотела бы сказать относительно миграционной политики непосредственно. То, что даже сейчас обсуждается, это новое направление, говорит о том, что хотят увеличить численность населения России, условно, я как бы пытаюсь цитировать экспертов, за счет мигрантов из Центральной Азии, как бы порядка до 7-9 миллионов человек за определенный период. Вызывает опасения, как это все будет перевариваться, как раз то, что Елена Александровна сказала – вопрос адаптации. И в отношении Дальнего Востока постоянно идет политика, что надо привлекать население. Естественно, все знают про программу переселения соотечественников, все дальневосточные регионы являются приоритетными. Я напомню, что приоритетные регионы – это максимальная сумма выплат для переезда, как бы подъемные для семьи.

Но мой вопрос, недовольство в данном случае как у исследователя, что вкладываются большие средства в привлечение мигрантов, мигранты приезжают, они могут получить гражданство за 3 месяца. И потом уезжают. И возникает вопрос, на одной из комиссий в ЕАО я его задавала: мы зачем это делаем? Мы платим деньги, они сюда приезжают,

получают гражданство за три месяца - и уезжают. А деньги были потрачены, чтобы наш регион развивать. Мне говорят: но России-то хорошо. Я говорю: я, конечно, рада за Россию, но Дальний Восток убывает.

И на самом деле, основная целевая задача мигрантов, если мы говорим про соотечественников, про Дальний Восток, то, безусловно, это в первую очередь получение гражданства. Доля тех, кто остается на Дальнем Востоке, крайне низка. Поэтому с этой позиции, я не говорю об эффективности количественных показателей, безусловно, но здесь явно есть какая-то недоработка. И еще один момент – в прошлом году тоже в рамках этого же направления уже работали не с соотечественниками, а уже хотели выйти на аудиторию всех россиян, живущих за Дальним Востоком, и говорили: давайте мы дадим миллион тому, кто согласится приехать на Дальний Восток. И опять возникает вопрос: для чего? Вы приехали, получили, «спасибо» - и уехали. То есть механизм отработан. Поэтому, в принципе, давать деньги, вот чтобы приехали, и поставить галочку, что у нас был поток на Дальний Восток, это не имеет смысла. Не одна я так говорю, это очень многие эксперты, причем живущие, в том числе, на Дальнем Востоке, говорят: вы создайте условия в регионе, и народ не уедет. Это раз. И даже народ из других регионов, видя, что там положительные есть результаты, они поедут, если хорошо не на словах, а на деле. Ну вот как оно есть.

И еще, другой аспект – это к вопросу о миграционной политике, что акцент сделан на то, чтобы привлечь. Привлечь, привлечь, привлечь, но почему не создать условия, чтобы не уезжали? И притом, что есть разные работы, экономистов в большей степени, о том, как сделать Дальний Восток жизнеспособным в тех условиях ресурсных, которые существуют. Естественно, что это затратное там было предложение, сценарий, это, в частности, в Хабаровске есть институт экономических исследований (руководитель – Минагин). И они предлагали несколько вариантов, в том числе - внедрять высокотехнологичные производства, чтобы не нужен был человек с лопатой в 21 веке, и не надо будет привлекать этих людей. Эти деньги можно направить на другое, на развитие производства высокотехнологичного.

То есть варианты есть, но такое ощущение, что до определенного момента мы все едем по одним и тем же рельсам. И рельсы менять никто не хочет, потому что это, возможно, очень сложно. Это и политически сложно, и вопрос межнациональных отношений, и так далее. Но на самом деле, 25 лет практики показывают, что что-то тут не то, вот в этой вот консерватории.

Еще один момент, мне кажется, достаточно важный – это, как раз-таки к вопросу межнациональных отношений. Это следующее. В прошлом году мы попытались проанализировать миграционную политику регионов и федерального центра в отношении трудовых ресурсов. И мы выявили следующее: если на федеральном уровне, вот о чем мы говорили, политика направлена на привлечение как трудовых ресурсов, так и на удержание постоянного населения на территорию России, чтобы численность населения увеличить, в регионах ситуация другая. Есть постановление, если я не ошибаюсь, двенадцатого года, оно позволяет регионам регулировать численность мигрантов из стран СНГ в определенных сферах.

И вот как раз-таки эти ограничения, они вводятся регионами. В частности, в Приморском крае, в Сахалинской области, в Магаданской области вводятся

ограничения, причем они с 15-го года вводятся, именно для мигрантов из стран СНГ на работу в отдельных направлениях. Я не помню навскидку, но например, в Магаданской области в 2015-м году было 7 видов деятельности. Это оптовая торговля, производство хлебобулочных изделий, и что-то еще. Транспорт потом включился. Потом было семь, стало пятнадцать. Якутия то же самое, ограничивает.

То есть здесь у меня возникает вопрос: федералы пытаются привлечь, а регионы, зная свою ситуацию внутри, зная рынок труда, зная всю эту проблему, они пытаются (не все, это было буквально из девяти три) - ограничить. То есть, регионы имеют возможность это регулировать. Но этим пользуются далеко не все. Почему, не знаю, но я бы не сказала, что они не знают о своей возможности, но, видимо, пока всех остальных устраивает.

И еще другой момент, если говорить о Китае. Китай никто не ограничивает. И если мы берем федеральный уровень, то мы с ними дружим на всех позициях, и должны расширять наше сотрудничество. Если говорить о регионах, я уже в самом начале сказала, Еврейская автономная, Амурская область – это китайцы в рабочей силе. В 2013 году Кожемяко, который был выбран губернатором Приморского края, - в Амурской области была введена нулевая квота на китайскую рабочую силу в сельском хозяйстве, потом в лесном хозяйстве. То есть идея была какова? Ну вообще сразу возникает вопрос: что мы будем делать? Все отлично. Они живут дальше, работы они компенсировали корейцами, до запрета. Потом они используют СНГ, но еще раз хочу сказать, что в Амурской области сельское хозяйство там очень хорошо построено, на мой взгляд. И там хватает своих ресурсов, там не надо никого вмешивать.

Сейчас, просто для справки, пока на экспертном уровне обсуждается гипотетически, что будет ограничиваться деятельность китайцев и в Приморском крае. В общем это, как бы, это уточнила. Но здесь не говорится о том, что мы будем вводить нулевую квоту. Здесь вводится такая идея, что они должны работать по правилам, по законодательству. Причем, я хочу сказать, что китайцев я очень уважаю, они мне очень нравятся. Чем? Тем, что они говорят: «Вот будет так», и они идут к достижению своей цели. Я все время говорю, что они пришли законопослушными на нашу территорию, они не знали, что здесь происходит, но они стали такими, потому что им позволили такими быть.

И здесь тоже вопрос – миграционной политики, управления? И даже не вопрос, а просто картинка: вот они разные регионы, все в одних условиях, по сути дела, дальневосточные, но все ведут свою политику региональную разную, в зависимости от того, какой мы хотим достичь цели. Поэтому здесь проблема, во-первых, в несоответствии каких-то моментов федерального и регионального уровня. А второй момент – это целевые задачи самих регионов, что они хотят.

И вот последний момент: на мой взгляд, некоторые прогнозные оценки, они носят зачастую формальный характер. Просто в некоторых комиссиях я присутствовала, и, в частности, сейчас там разрабатывается, какой у нас будет коэффициент смертности, рождаемости, миграционный прирост. Смотришь и радуешься, но понимаешь, что это нереально. Если к нам Китай присоединят, то мы выполним этот показатель, а так, ну на самом деле, эти же региональные показатели мы формируем и дальневосточные, и все остальное. И вот это ну просто неправдивые цифры, которые и приводят к ложному управлению. В том числе и на федеральном уровне. То есть изначально от регионов идут несколько придуманные цифры. Спасибо.

Реплика из зала: Спасибо за эмоциональную оценку. Вот, Светлана, у меня такой вопрос: если мы так много говорим о низкой рождаемости, о необходимости увеличения численности населения, и, прежде всего в контексте развития Дальнего Востока, здесь обсуждалось, можно ли решить демографическую проблему за счет привлечения иностранных мужчин? Вот как вы к этому относитесь?

Мищук Светлана: Ну у нас с мужчинами все хорошо, на самом деле. Приезжайте, женщины, на Дальний Восток, если на то пошло. Светлана, зачем сравнивать Европу, можно на Дальний Восток. Если говорить о китайском факторе, даже если на то пошло, да, мы знаем, что там преобладают мужчины.

И здесь есть такой аспект (я хотела Светлане задать этот вопрос, но сама отвечаю). Одно время я пыталась заняться вопросом, демографической безопасности, брачной вот этой зависимости. На самом деле, китайские рабочие, которые приезжают, они вступают в браки с женщинами, но не сказать, это что прямо массово и караул, все стали уже там нерусского вида и так далее. Нет. Есть такие практики: женщины говорят о том, ну он не пьет, деньги приносит, по хозяйству помогает. Это же сельская везде местность, это не города. Почему мне за него замуж не выйти? Притом что они могут не расписываться, дети – россияне то есть, но, практика такова, что они ездят в Китай, то есть они и китайские дети (они знают историю), и русские. По сути дела, это не носит никакого негативного момента. Есть у нас браки, которые официальные, но они не частые, но влияют и формальные требования, когда необходимо там законодательные моменты какие-то исключить, и так далее.

Если говорить еще о Дальнем Востоке, о рождаемости, если вот вернуться все-таки к таким уже задачам и установкам более серьезного плана, то, безусловно, необходимо задавать условия. То есть просто пригонять людей, рассчитывая, что чем больше будет людей, то тем больше будут рожать, - логично, но как-то вот не совсем. Может, пора уже как-то по-другому все-таки придумать. Здесь я уверена, убеждена, что нужно создавать условия.

И я вспомнила свой университет, где редко встретишь бегущего студента, в принципе. Не потому, что они все сидят в аудиториях, их не много – их мало, группы маленькие. То есть, это не только наша область, то есть это вот в принципе, я так понимаю, периферийная вся территория. Да, то есть уменьшается численность и студентов, и так далее. И понятно, что особо туда возвращаться, если, ты, не дай Бог, получишь хорошее образование, никто не вернется.

Поэтому вопрос условий, в которых будут жить люди, в которых они будут согласны жить. Вот, и рождаемость будет в том числе. Та же самая доступность, здравоохранение - тут уже отдельная тема к вопросу о рождаемости, и смертности в том числе. То, что на Дальнем Востоке можно как-то компенсировать ситуацию, я в этом уверена.

Единственное, отток населения - это отток молодых. Это те, которые могли бы рожать, а это проблема. И я еще раз говорю, молодые уезжают, приезжают мигранты с лопатой, ну о какой рождаемости мы говорим? Удержите этих молодых людей, которые будут рожать. То есть здесь очень важный момент – чтобы это тоже прослеживалось, что поддержка молодых семей. Так вот, к примеру, вчера приводили пример Сахалинской области: у них сработали эти механизмы, у них рождаемость повысилась. То есть они не привлекали,

хотя у них с миграцией тоже все хорошо, там приезжают - они создали условия, чтобы люди рожали.

Реплика из зала: Очень интересный доклад, конечно. У меня немножко о другом вопрос, из интересов. Вот как у вас, на Дальнем Востоке, обстоит дело с именно даже не с совместными, а с зарубежными предприятиями? Я объясню, почему у меня такой вопрос. Поскольку ваши соседи, вот сейчас в Иркутской области, на Байкале строят китайцы завод по забору воды, уже почти миллион подписей, и у половины людей именно вот экологический мотив, а у других именно такой - почему китайцы, да? Потому что завод целиком в собственности китайцев будет. Но говорят, что будут работать местные жители. Есть ли нечто подобное во Владивостоке, вот именно такого рода предприятия, и как к ним относится, к этому факту, местное население? Такой мой вопрос.

Мищук Светлана: Я поняла, спасибо. Если говорить о совместных предприятиях, вообще мы можем шире сказать об иностранных инвестициях. Привлечение иностранных инвестиций - это тоже одна из первоочередных задач развития Дальнего Востока. И эта инвестиционная привлекательность, она везде оговаривается. Честно говоря, без разницы, чьи деньги придут, лишь бы пришли.

Вот другой момент, о чем я сказала, что китайцы пришли, - вопрос правового поля, в котором работают, и в том числе иностранные инвесторы. Если это поле работает, если мы точки векторные оставили, где вот ты можешь работать, а что делать нельзя, оно же будет работать, правильно? Поэтому в данном случае Дальний Восток - он только рад инвестициям, причем, естественно, вот эти территории опережающего развития, которые с этого года действуют по всей стране уже, эти условия, они были созданы для того, чтобы Дальний Восток хоть как-то привлек инвестиции. Но, честно говоря, если покопаться в них внутри, там очень высока доля государственных инвестиций, и вот тот результат, который хотелось бы увидеть со стороны внешних источников, он не был достигнут до конца.

Если говорить о предприятиях, которые там строятся, и вот даже байкальский, что там будут работать местные. Ну дай Бог, что они там будут там работать, у них будет достаточная квалификация. Еще один сложный момент - это квалификация. У нас построен ГОКЮ горно-обогатительный комбинат. Полторы тысячи человек, люди работают. Стоит сейчас еще часть предприятий и так далее по добывающей промышленности. Я вот говорю: а кто работать будет? Кто будет работать? Ну привезем. Кого привезем? Откуда привезем? То есть местные если будут с образованием и готовы работать, это будет очень хорошо.

К вопросу об экологии: на самом деле Китай у себя сейчас на территории проводит очень жесткую политику. Вы знаете, например, что они привозили лес из России, но у себя запрещено было рубить лес. Но если будут соблюдаться правила, в том числе экологические, - китайцы очень боятся. Ну с ними надо четко: вот так, вот так и вот так. Если они чувствуют слабинку, все. Единственное, что не всегда мы можем диктовать условия, которые мы хотим. То есть, что развивать. Вот они приходят с проектом, они говорят: мы бы хотели вот это. Мы же хотим развивать территорию? И мы соглашаемся.

Дальний Восток надо развивать, ну вот, почему не за счет китайских денег? Но еще один важный момент, мне кажется, чтобы не было иллюзий: мы работали с Институтом

изучения приграничных территорий, это Пекин, Китай. И просто цитата с их стороны, что Дальний Восток далеко не на первом месте интересов Китая, это надо четко понимать. Дальний Восток – один из. Ну да, он приграничный, ну и что? Если бы мы были у них в зоне интересов, они бы уже нас завалили инвестпроектами и всем остальным. Китай – он по всему миру. Поэтому бояться, что Китай - я бы этого не боялась, я бы только радовалась сотрудничеству. Главное – с ними правильно работать, вот в этом я убеждена.

Модератор: Коллеги, есть еще вопросы?

Реплика из зала: Скажите, пожалуйста, правильно ли я поняла, что вот эта «нулевая» квота на китайцев – это значит мы не привлекаем китайцев. Не совсем понятно, где тут экономическая роль, и даже демографическая, потому что если посмотреть на половозрастную структуру, например, Новой Зеландии, - они предпочитают, как мне показалось, мужчин. И там действительно мужчин трудового возраста очень много. Может быть, все-таки с экономической точки зрения наоборот, квоту сделать до 100, и это решит какие-то экономические проблемы? Ну в определенных сферах.

Мищук Светлана: Я поняла, спасибо. Здесь надо разграничить, наверное. Мы говорим о трудовой миграции сейчас. Трудовая миграция для стран дальнего зарубежья, коей является Китай, это квоты и визы. То есть они приехали, год закончился, если квоту не дали, никто никуда уже не едет. С СНГ проще, да, то есть деятельность патентная. Первое.

Второе, насчет того, кто приезжает. Я сомневаюсь, что в Новую Зеландию, условно, едут с лопатой, сильно сомневаюсь. А вот из Китая, я просто приведу пример: в 2014-м году я проводила исследование по этническому предпринимательству на Дальнем Востоке. Южные регионы. Я работала с предпринимателями, в том числе с китайцами, армянами, разными этническими группами. И китайка мне говорит: если раньше мы выбирали, кто у нас поедет, сейчас мы берем, хоть кто бы согласился. Потому что разница в уровне, рост юаня и т.д., девальвация рубля, она привела к тому, что сюда едут уже те, которые ну вот вообще себя не нашли на своей земле. Зачем нам такой генофонд и вообще непонятные люди? Лучше уж никак, чем кое-как. Еще раз говорю, у нас есть мужчины, и у нас – но это отдельная тема – у нас проблема того, что у нас все мужчины на вахте. Вот я не знаю, этим, наверное, вообще никто не занимался, и даже не знаю, как этот вопрос поднимать. Но вахта – это вообще просто лицо Дальнего Востока 100 процентов. Но вахта – это очень большой удар по семье, по здоровью, по детям... Это проблема - понятно, что категория очень своеобразная – кто-то пьет и т.д., но если бы они жили дома, все равно со здоровьем было бы получше. Дальний Восток со своими точечными проектами – это перспектива, 100 процентов так и будет, что Дальний Восток не будет заселяться сплошняком, то есть это нереально. Поэтому говорить о том, что китайцы нас спасут – нет. С демографической точки зрения – точно нет. То есть это в данном случае мы должны сами себя спасать.

Модератор: Что касается установления квот, когда мы проводили анализ эффективности миграционного законодательства (это было, еще когда существовала Федеральная миграционная служба), мы видели, что в случае введения жестких ограничений в отдельных экономических сферах наблюдается резкий рост теневой занятости, то есть это достаточно коррупционнoемкая тема.

Мищук Светлана: С Китаем это сложнее, там визы, там жестче.

Модератор: Для Дальнего Востока был введен упрощенный порядок выдачи виз, электронные визы выдают. Это как-то влияет на ситуацию?

Мишук Светлана: Нет, не трудовая, не трудовая. Это для туристов. Но это да, но я хочу сказать, что сейчас уже в МВД серьезно этим занимаются. Я разговаривала буквально на днях с предпринимателями и с органами власти: сильно не рискуют. Это присутствует, но, на самом деле, вот сейчас федеральный уровень настолько регулирует все, что, если тебя вдруг уличат, то штрафные санкции очень высокие, поэтому они пытаются компенсировать это. Есть из СНГ иммигранты, сейчас уже начинают замещаться. Еще раз подчеркиваю, Дальний Восток – это не китайский трудовой мигрант, это так же, как и по всей России. Другое дело, что они разные: если, например, Сахалин – это киргизы, ЕАО – это таджики (не 100%, но преобладающие). Почему? Это семейные узы, социальные сети и так далее, вот эти связи.

Модератор: И все-таки в чем различие в управлении процессами притока мигрантов из стран СНГ - и внутренними этническими потоками мигрантов?

Мишук Светлана: Я, наверное, подведу итог. Если на территории все эти мигранты и местное население будут жить, не конкурируя, вы друг другу не мешаете, то есть это единое общество. Вот в ЕАО таджики, китайцы, корейцы, евреи, русские, но как таковой конфликтной ситуации нет. Но как только возникает конкуренция, тут начинаются конфликты. В первую очередь, можно зацепиться за национальный фактор, за этничность и так далее. То есть это самый такой сильный фактор, первопричина любого конфликта. Поэтому на уровне регионов вопрос управления развитием региона - это неформально относиться вообще к созданию неконфликтной среды. Не просто формально, как, видела я все эти планы по реализации межнациональной политики в разных регионах. То есть это же все формально, «пока не грянет».

У меня подруга в Якутске, она якутка, она говорит: «Ты знаешь, дошло до того, что мне страшно, что скоро перепутают. Что я вообще якутка, а не какая-нибудь приезжая». Якутия на самом деле хорошо управляемая территория. Но это же может произойти в любом регионе, это же вопрос такой. Ну как-то с этим надо на опережение работать. Рельсы есть, мы едем, на опережение никто не хочет никуда перепрыгивать. Может быть, это вопрос, что со стороны кажется, что надо что-то менять. Если на региональном уровне ничего не говорят, то, возможно, они ничего не могут сделать? Здесь я не в пику регионам, просто понимаю, что надо создавать условия, которые будут комфортны всем.

Модератор: Спасибо. На самом деле, в современном мире наше будущее и то, насколько гармоничны отношения между разными социальными группами, этническими группами во многом зависит от того, как происходит социализация молодежи. В современном мире наблюдаем явно выраженные тренды к кластеризации на рынке труда. Когда мы беседуем с молодежью и анализируем их индивидуальные жизненные стратегии, мы видим, что в отличие от того, что было еще 20 лет назад, когда миграция и переезд в другую страну воспринимались как окончательное решение, сегодня молодежь рассматривает миграцию и трудоустройство за рубежом скорее как приобретение опыта.

Вопрос, конечно, спорный, - многие специалисты говорят, что «а что здесь плохого?» Мы понимаем, что в каких-то кластерах в Сингапуре, в Америке сконцентрированы лучшие практики по развитию IT-индустрии. Молодые люди приобретают уникальные

компетенции, вопрос в том, готовы ли они потом сюда вернуться? Как это вообще оценить – готова ли выезжающая за новыми знаниями и опытом молодежь возвращаться? Молодые люди говорят: «я патриот, я здесь вырос, почему я не вернусь, почему вообще такие подозрения»? Стоит ли их сдерживать, останавливать (ведь это наше будущее, а в числе востребованных на международном рынке труда – однозначно наиболее активные и талантливые)? Или можно надеяться на то, что действительно, приобретя опыт, молодежь сюда вернется?

И вообще, насколько этично влиять на эти процессы, если есть какие-то особые кластеры, где потенциал молодого человека, гениального специалиста может быть в большей степени реализован, где он может действительно полностью раскрыться? Сегодня среди наших участников есть специалист, который наиболее глубоко погружен в тематику, очень хорошо понимает проблемы и настроения молодежи. Юлия Альбертовна Зубок, наверно, лучше кого-либо другого может ответить на вопросы о том, что думает молодежь, что от нее ожидать, как можно на это повлиять. Прошу Вас как-то прокомментировать этот процесс.

Зубок Юлия: Спасибо большое, дорогие коллеги. Если вернуться к тематике, к названию секции насчет основных трендов, да, глобальные тренды. Вот что бы я, наверное, на сегодняшний день выделила бы в качестве универсального тренда, обладающего определенной устойчивостью и воспроизводимостью – это ориентацию на самореализацию. Вот я бы сказала, что это новая религия для молодежи. Самореализация сегодня, не побоюсь этого слова, она правда стала универсальной ценностью практически для всех категорий молодых людей, где бы они ни проживали, в какой бы группе по образованию они ни находились. Это момент первый.

Второй момент: за счет чего эта тенденция в последнее время очень сильно нарастает? Она нарастает, хочу особенно подчеркнуть, за счет тех, кто проживает в наименее благоприятных с точки зрения инфраструктуры и структуры возможностей для развития локациях. То есть смотрите, какое формируется противоречие: условия никакие, и в общем-то, перспектив тоже нет, а наращивание вот этой ценности наблюдается буквально на глазах. Это те, кто проживает в малых городах (понимаем, что это такое), особенно каждый представляет себе поселок городского типа со всеми его прелестями, это сельская местность, где прямо совсем жизни нет, средние города. Вот здесь эта часть молодежи, которая в высшей степени ощущает и свою невостребованность и, так сказать, невозможность зацепиться, «прорасти корнями».

И вторая категория, которая также дает усиление тенденции, – это женщины. Вот в этой женской гендерной группе такой колоссальный рост самосознания – этим и обусловлены во многом тенденции, о которых сегодня наши докладчицы рассказывали. Причем, вот что касается женщин, здесь самореализация выражается в двух принципиально разных формах. С одной стороны, в форме эмансипации, когда они все больше и больше хотят включиться в различные современные формы, в том числе и ролевые (это то, с чего вы начали). С другой стороны, это прямо противоположная ориентация на то, чтобы вот как заявить о своей женскости-женскости.

И вот тут включается то, о чем Светлана рассказывала. Иммиграция для них – не цель, а средство реализации традиционных ценностей. Русская женщина до сих пор является очень традиционно ориентированной в том смысле, что она хочет семью. Но она эту

свою традиционную ценность на своей родной земле до конца реализовать не может. Стратегия – это совокупность целей и средств. Поэтому цель у нее вот такая, какая есть, а средства она начинает искать уже разные, поэтому кто-то, может быть, переедет в более крупный район, но останется в пределах своей страны, а кто-то эмигрирует. А поскольку рационализация – это тоже одна из достаточно устойчивых тенденций, то они просто ищут какие-то оптимальные для себя пути и способы достижения целей.

И совершенно неслучайно (меня, например, ни коим образом не удивило), что вы обнаружили более выраженные репродуктивные установки. То есть женщина со своими репродуктивными установками ищет место, где ей лучше их реализовать, потому что здесь это сделать у нее не всегда получается.

Второй момент, на который я тоже хотела обратить внимание, отрефлектировать, – это вопрос условий. Какие бы установки ни были, но в случае, если они наталкиваются вот на то, на что они наталкиваются, то что возникает? Какая-то часть пересматривает и занижает планку своих потребностей, а какая-то часть начинает искать какие-то совершенно иные формы, поэтому все, что мы с вами наблюдаем в этом переструктурировании – это, еще раз подчеркиваю, из области средств. И печальный-печальный вывод о том, что вот в некоторых регионах у нас просто жизни нет, а могла бы быть.

Хотят ли они вернуться? Ну вот все-таки опыт исследовательский показывает, что они вообще-то уезжать не хотят, и иммиграция, отъезд – это не есть их цель, это не есть их установка, а это есть настроение. А это очень большая разница. Установка – это все-таки такая прочная предрасположенность, а мы имеем дело с мягкой, зыбкой, вот такой вот лабильной конструкцией, настроением «сейчас плохо все», «хочу уехать». Потом вроде как-то посидел, поговорил, душу излил, что-то там солнце выглянуло. У молодежи, между прочим, вопрос настроения в этом смысле очень, очень большое значение имеет. Поэтому, действительно, условия эти нужно создавать.

И здесь возникает, на мой взгляд, ключевой вопрос, это установка управленческой, местных управленческих элит, позиция управленцев. Вот тот факт, что начали обсуждать возможности завоза рабочей силы, вот по моему персональному убеждению, это очень сильно их развратило. Это дало им основание, дало им возможность вообще ничего не делать. Мне это знаете, что напоминает? Историю 90-х годов, когда разрушали свое производство и объясняли это тем, что «ну, подумаешь у нас не производят, ну, что, мы купить, что ли, не можем?» Да, совершенно верно, понимаете, купим, потом оказалось, что у нас есть стратегическая зависимость по продовольствию, а производства своего у нас нет. А когда на нас наложили санкции, выяснилось, что мы даже элементную базу заменить не можем, и так далее.

Вот в этом смысле нужно очень аккуратно нашим товарищам, принимающим решения, объяснить, что есть две стратегии их деятельности. Стратегия первая – это создание условий для своих, и тогда они не побегут. Давайте дадим возможность тем, кто не хочет уезжать, хочет жить на родной сторонке («где родился, там и сгодился»), жить в соответствии со стандартами цивилизованного бытия. Потому что первая позиция у нас по всем нашим с вашим исследованиям – семья и благополучие, благополучие и семья. А вот в случае, если эта стратегия не будет, не позволит решить весь комплекс проблем,

вот тогда какие-то квоты, то есть компенсация за счет того, что завезти рабочую силу. Так что, социологи, вперед, в инженеры.

Реплика из зала: Где вы стратегию-то нашли?

Зубок Юлия: Я ее не нашла, я ее не могу найти, ее нет, этой стратегии.

Реплика из зала: Если не будет стратегического целеполагания, ничего не будет. А его нет. Вот и все.

Модератор: У меня такой вопрос: в течение многих лет реализовывалась программа глобального образования, выдавались гранты на обучение в ведущих вузах, потом постановка вопроса изменилась, сказали, что мы теряем лучшие умы, уезжают лучшие люди, хотя основная цель была именно сюда привезти какие-то новые технологии, новые знания, которые будут направлены на развитие нашей страны. Вот вопрос, если говорить с точки зрения глобального управления, с точки зрения реализации на федеральном уровне молодежной политики - стоит ли нам вообще молодежь отправлять за рубеж в другие страны? Или действительно это правильный подход, когда мы не поддерживаем образовательную миграцию?

Реплика из зала: Ну, китайцы отправляют.

Зубок Юлия: Я все-таки, наверное, предложила бы посмотреть с другой стороны на это: что хочет-то молодежь? Некоторые, их достаточно представительная группа, с удовольствием бы поехали, посмотрели бы, поучились бы, и у них есть такое право. То есть с точки зрения современной нормальной жизни открытые границы, возможность сказать «не поеду, но я хочу, чтобы у меня была такая возможность». Понимаете? Ведь что источник напряжения - не когда я что-то могу или не могу, а когда меня снаружи чем-то ограничивают. Современный молодой человек - он очень чувствителен к этому.

Буквально вчера появились данные по счастью. Что отвечают нам наши россияне, граждане? Два момента, которые не позволяют быть счастливыми, по крайней мере, в том исследовании, опубликованном в «Форбсе», - это невозможность пробиться сквозь коррупционные кордоны. Это тоже можно рассматривать как фактор внешнего ограничения, когда хоронит технократия, и люди оказываются в зависимости от этих социо-коррупционных факторов, потому что коррупция является частью некой социальной регуляции сегодня. Это чудовищно, архаично, но тем не менее.

А второй момент - это вопрос свободы. Они сегодня это рефлексируют, причем испокон веков и на сегодняшний день это тоже воспроизводится, для нашей российской ментальности большее значение имела свобода внутренняя. Но я вам скажу, что подрастает и значение свободы внешней. Это означает, что они усваивают вот эти современные ценности, современные ориентации, то есть они уже не готовы с этим мириться. Поэтому с этих позиций все-таки открывать все возможности, понимаете?

Что делает, как правило, управленческий аппарат? Управленческий аппарат, дабы, так сказать, свою облегчить участь, предпочитает закрыть, чтобы оставить внутри страны вот эту самую рабочую силу. Ничего толком, ничего другого не сделаешь, вот придется потрудиться. Нужно открыть границы и сделать привлекательной саму идею неотъезда. Я не вижу другого здесь пути, нет простого здесь решения, на мой взгляд.

Модератор: Стоит сложная задача перед всеми нами. У нас еще один доклад, он не касается миграционных процессов, он не касается анализа каких-то отдельных социальных структур или отдельных социальных групп, он касается комплексного подхода к изучению потребностей, изменения каких-то теоретических аспектов. Речь пойдет о потребности изменения традиционных методик. Каким образом реагировать исследователю на вот эти все трансформации и их фиксировать. И слово Савченко Ирине Александровне, профессору кафедры социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета.

Савченко Ирина: На самом деле, мой доклад имеет отношение к миграции, и к полиэтничным сообществам тоже имеет отношение, большое спасибо, что предоставили мне слово, очень приятно выступать перед столь интеллектуальной аудиторией. Дело в том, что я говорю о социальном проектировании. Вот наша замечательная гостья из Биробиджана сказала, что видела много проектов по межнациональным отношениям. Но, согласитесь, что очень многие из этих проектов, которые существуют на региональном уровне, давайте признаем, крайне неграмотны, люди не знают, что такое национальная идентичность, что такое этническая идентичность, делают ошибки.

Вот даже просто привожу пример: 150 культур Дона в Ростове-на-Дону. Действительно, привлекательный регион со всех точек зрения, миграционная ситуация интенсивная, развивается. Каждая школа проживает в какой-то культуре год, потом это оценивает жюри, все напутано. Но человек знающий сразу найдет ошибки в каждом слове. Тем не менее, на всех форумах, особенно на форумах типа противодействия экстремизму, терроризму, именно такие проекты представляются.

Люди ну хоть бы чуть-чуть вспомнили, что существует наука, существуют университеты, существует ВЦИОМ. Нет, как бы это неинтересно, мы так написали, и так будет, хотя я в таких случаях вспоминаю Карла Ясперса про философскую веру - она объединяет интеллектуалов, знающих о своем незнании. Надо сначала понять, что мы чего-то не знаем, потом мы начнем искать ответы. А вот эти люди, которые предлагают проекты, они знают вообще все, им не нужно ничего, они все уже знают сразу.

Поэтому вот это такой микроконтекст. Я постараюсь дать в таком наукообразном виде, показать, что мы живем в мире антиномий, дихотомий, который надо иметь в виду всем людям, которые занимаются процессом миграции, регулирования межнациональных отношений, пускай даже в теоретическом плане.

Общим местом стало противопоставление глобального и локального, об этом говорят везде. На мой взгляд, это не антиномия, это диалектическое единство. Да, глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, это система. Это принцип системы, там должны быть какие-то элементы, поэтому, чем больше глобализация, тем больше каких-то микрообразований негосударственных мы будем видеть. Все это способствует, так или иначе, миграции.

Есть еще другие, антиномия: метакультурные, мегакультурные и сублокальные. Что такое метакультурные - это все культуры, которые создали современную цивилизацию, европейские культуры. Сейчас они не на подъеме. Вопрос: наша русская культура относится к европейской или нет? Пророчество Шпенглера и арифметика Гумилева, что этнос существует около полутора тысяч лет. Ну, надеемся, исходя из таких цифр, что все-таки русскому этносу 500 лет, поэтому время у нас еще есть. Мы будем в эти годы

увлекательны с точки зрения не только территорий, но и с точки зрения культуры своей, хочется надеяться на это.

Что такое мегакультурные – это как раз Евразийский Союз, надгосударственные такие вещи интересные, но в данном случае очень много есть противников, теоретиков, которые говорят, между Евразией и Азией мы находимся, и что же нам выбрать. Это будет очень долго.

Локальные и сублокальные - это вообще многие не замечают. Локальные - это для нас наши мигранты, например, но там еще есть и сублокальные. Есть азербайджанцы, есть товуши. Они когда нужно будут говорить, что они азербайджанцы, что Муслим Магомаев – азербайджанский певец, а когда не надо - то они вообще не азербайджанцы, а другие. Так же как берберы во Франции, они вроде бы арабы и противопоставляются всем остальным как арабы.

Коммунитаризм и либерализм, или у нас свободный рынок, или у нас общинное общество будет. Национализм как идея национального государства, с чем-то таким эгоцентризмом, или космополитизм. Сегрегация, ассимиляция или маргинализация - я уверяю, что можно в каждом из этих видов отношений найти как 10 плюсов, так и 10 минусов. Какая идентичность: этническая, национальная, общегуманитарная? Это тоже можно перечислять, но составители проектов не видят разницы.

О религии. Все говорят о росте ислама и о деградации христианства. Но в то же время внутри каждой религии есть антиномия фундаментализма и маргинальности. Об этом тоже нужно знать. Интересно то, что большинство иммигрантских стран, и Россия в том числе, традиционно христианские. Да, Бердяев говорит, что античное христианство было спасено для вечности христианством. Само христианство, нет в нем света, не видно, к сожалению.

Что касается технологии. Говорят о Новом Средневековье - вроде развиваются технологии, но при этом люди увлекаются магией и суеверием. Это тоже, если посмотрим, где представлен вот этот слой магов и гадалок, мы там увидим тоже очень полиэтническую ситуацию.

Как ни странно, я закончу антиномией культуры и демократии. Да, демократия дает всем равные возможности, а культура дает такой духовный прогресс. Если мы пожертвуем демократией в данном случае, то вернемся в средневековье, а если пожертвуем культурой, то вернемся в каменный век.

Все-таки, когда мы проводим различные исследования, опросы, они должны иметь некую теоретическую концептуализацию, а те люди, которые берут весь готовый материал и занимаются проектами, должны знакомиться с темой, структурой, и все-таки знать, что есть люди, которые этим занимаются, их игнорировать нельзя. Если они не хотят узнать, нужно им очень настоятельно посоветовать что-то. Большое спасибо.

Модератор: У нас еще один доклад, касающийся трансформации ценностей.

Васильева Елена: Спасибо большое за возможность предоставленную. Я хочу подчеркнуть: то, что здесь и сейчас происходит, это очень четкое отражение того, что у нас происходит в нашем сознании.

Дело в том, что абсолютно верно сказал предыдущий выступающий, и спасибо ей за это, что у нас очень большое расхождение в понимании. В понимании основных терминов, основных слов, которые мы используем. Именно это существенно снижает валидность всех социологических опросов, потому что исследование закладывает в смысл анкеты одно, читатель, респондент видит в этом другое, интерпретатор-аналитик видит в этом третье. Мне хотелось рассказать про методику, которую мы использовали. Значит, это исследование административных регламентов в Республике Саха (Якутия) методом дискурсивного контент-анализа. Если кому-то интересно, можно подойти ко мне, я вышлю материал в более развернутом виде.

Говорили про миграцию и говорили действительно про кейс моей родной республики. Я родом из Республики Саха (Якутия), уехала оттуда всего год назад. То, что сейчас там происходит, это вообще не вопрос миграционных потоков. То, что сейчас здесь, в этих стенах озвучивалось, это как раз вопрос об этой вот двойственности восприятия ценностного блока, двойственности восприятия каких-то основных моментов.

Дело в том, что люди в данном случае выступали не против определённой нации, не будем подчеркивать, чтобы не разжигать. Люди выступали против совершенно иных аспектов – это прочитывается. Метод, который мы предлагаем, – его можно использовать для анализа в том числе, например, форумов. И если сейчас посмотреть, то мы увидим, что те же самые ключевые слова, используемые в контексте субъектности и объектности, они нам дают абсолютно иную картину, нежели то, что мы можем прочитать в прямом тексте. Там совершенно иные субъекты, собственно, вот эта мигрантская позиция имеет объектный характер, а субъектовость там совершенно иная, претензии там совершенно к другим акторам. Поэтому этот кейс нужно разбирать не с позиции позиционирования, а с позиции внутреннего содержания. Спасибо.

Модератор: У меня вот такой вопрос. Возможно ли применение вашей методики в изучении процесса адаптации мигрантов?

Васильева Елена: В принципе, методика достаточно универсальна, потому что это исследование любого словарного контента не по ключевым словам, как в классическом контент-анализе ведется, а по сочетанию существительного и используемого глагола. Соответственно, я думаю, что мы не применяли, мы использовали данную методику для исследования ряда понятий, это для понятия доверия... Ну вот административные регламенты госслужбы исследовали, и понятие милосердия мы еще тоже исследовали с моим соавтором, с Рубцовой Валерией Владимировной, доктором социологических наук, профессором Санкт-Петербургского госуниверситета. Вот эти три понятия мы исследовали, и как бы увидели определённые конструктивы в данной методике.

Модератор: Скажите, пожалуйста, а влияет ли какой-то технический аспект? Все-таки в разных средах есть некая смысловая нагрузка разная, которой наделяются отдельные понятия. Вот есть такой пример?

Васильева Елена: Я больше даже скажу, дело в том, что мы исследуем на русском языке, исследовали и разницу между представлением, словарным представлением в диссертациях русскоязычных и англоязычных. И выяснилось, что родной язык накладывает отпечаток на стиль высказывания. Соответственно, когда мы анализируем те же самые большие массивы, те же самые форумы, еще какие-то подобного рода вещи, нужно учитывать, на каком языке человек пишет. Потому что если он пишет на

родном языке, у него понимание ценностное более глубокое, чем если он пишет на языке, который он либо выучил, либо какой-либо, который является для него привнесенным.

Поэтому в частности сейчас, например, ситуация в республике нашей, чем еще характерна - республика двуязычная, и форумы пишутся и на русском, и на якутском, и это абсолютно разные. То есть, если вы будете их просто анализировать просто по ключевым словам, автоматом у вас вывалится (якутский язык - он полу-кириллица, там есть определенные дополнительные знаки, но в целом кириллица), вывалится целый смысловой пласт. Вы его не сможете вычислить, если чисто брать как машинную обработку. То есть это либо ручная обработка, и вы понимаете, что там 15 тысяч сообщений вычитать и промаркировать - это вопрос не одного дня. Либо это машинная обработка, но тогда вы автоматом лишаетесь целого пласта вот этих смысловых нагрузок, которые имеют очень важное, иногда решающее значение. Поэтому это очень большая проблема.

Вы сейчас затронули реально очень серьезную проблему, особенно когда касается межкультурного какого-то взаимодействия. Потому что в данном случае нужно понимать, как раз мы анализировали административные регламенты, у нас получилось, что в Республике Саха (Якутия) административные регламенты более объективны, чем в среднем корпус языка. Почему так? Потому что якутский язык такой. И очень многие вещи в якутском языке перекадываются, когда они переводятся на русский язык, они становятся объективными. Это особенности перевода, трансляции.

В результате получается, что если мы делаем какие-то выводы управленческие по данному комплексу, мы получаем их несколько искаженными, и соответственно, мы принимаем искажённые управленческие решения по вопросу о социальной инженерии. В результате продолжает увеличиваться пропасть между управляемыми и управляющими. Вот так вот.

Модератор: Действительно, мониторинг сообщений на родных языках – одна из сложных задач, которая практически не решается на сегодняшний день. Это одно из важнейших и актуальных направлений, очень важно его и дальше развивать. Большое спасибо Вам, очень интересно.